

В. А. Маслова

Высшая реальность в творчестве А. С. Пушкина: зов к духовному

В статье раскрывается высшая реальность в поэзии А. С. Пушкина. Будучи поэтом-пророком, он становится проводником божественной истины. Об этом, например, его стихотворения «Пророк», «Поэт и толпа» и др. Доказывается, что при анализе классических текстов вообще и особенно поэзии Пушкина не следует забывать о духовном пути поэта, под влиянием которого русский язык, русская литература и русская культура не только отображают, но и сами строят духовную реальность. Культурное сознание языковой личности вступает в диалог с пушкинскими текстами и постоянно подпитывается ими. Это и есть основа гуманитарной национальной культуры. Цель статьи – продемонстрировать возможности объединения филологических знаний, богословских знаний и знаний лингвистических. Это значительно расширяет пределы видения текста. В статье дается филологический анализ стихотворения «Пророк» как одного из важнейших для понимания духовного становления поэта. Рассматриваются наиболее известные его трактовки – от темы о поэте и его призвании до темы библейского пророка. Выдвигается авторская версия о значении Божьей воли и роли Провидения в становлении поэта, что показано на материале «Пророка».

Ключевые слова: Пушкин, поэзия, «Пророк», духовность, высшая реальность, синтез теологических знаний и филологии.

Для цитирования: Маслова В. А. Высшая реальность в творчестве А. С. Пушкина: зов к духовному // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 2. – С. 128–138. DOI: 10.35231/25419803_2025_2_128. EDN: NKQZMQ

Пушкин начинает своим творчеством «золотой век» русской литературы. Есть прекрасные работы о его роли в судьбе России (см., напр.: [7]). Он – важнейшая фигура в русской поэзии XIX века, так как именно А. С. Пушкин стал основателем целого ряда новых направлений в литературе – от русского романтизма («Медный всадник», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан») до романа в стихах, который был назван В. Г. Белинским «энциклопедией русской жизни» («Евгений Онегин»). Его поэма «Руслан и Людмила»

написана под влиянием русского былинного фольклора, это волшебная сказка. До Пушкина народное творчество почти не использовалось в русской литературе. Это была своего рода заявка на начало формирования национальной литературы. Становление русского литературного языка также связано с именем Пушкина. В его творчестве мы находим начало почти всех важнейших мотивов, которые развернула потом русская литература, пушкинский текст представлен также в виде аллюзий, цитат, элементов сюжета и т. д. [5–6]. Следовательно, А. С. Пушкин был центральной фигурой в культуре XIX века. Н. Н. Скатов считал его «началом всех начал» и доказал это в своей работе [10, с. 114].

В своей статье мы обратим внимание еще на один важнейший план его творчества – воспроизведение в своем творчестве духовной реальности, которая оказала огромное влияние на становление русского человека вообще. Даниил Андреев писал: «Недаром же великая русская литература начиналась с оды “Бог”. Не случайно на первых же ее страницах пламенеют потрясающие строфы пушкинского “Пророка!”» [1, с. 341]. А. А. Ахматова пишет о том, что истинный поэт – это Дух: *Поэт не человек, он только дух – / Будь слеп он, как Гомер, / Иль, как Бетховен, глух – / Все видит, слышит, всем владеет* [2, с. 31].

Построение этого мира есть осознание своей силы творца, строителя, у которого создается свое пространство, свое время [9]. Мир настоящего национального поэта эстетичен. Но теперь настало время увидеть в стихах А. С. Пушкина не только «пленительную сладость», но и то, что он, будучи поэтом-пророком, становится проводником божественной истины. Об этом, например, его стихотворения «Пророк», «Поэт и толпа» и др.

Русский язык, русская литература и русская культура вообще не только отображают, но и сами строят духовную реальность. Существует культурное сознание языковой личности, которое вступает в диалог с создаваемыми художественными текстами на этом языке и которое постоянно подпитывается такими текстами. Это и есть основа гуманитарной культуры народа. И в этом смысле роль русского языка и русской поэзии трудно переоценить.

Материалы и методы

Цель статьи – продемонстрировать возможности объединения филологических знаний, богословских знаний и знаний лингвистических. Это значительно расширяет пределы видения текста. Материалом для исследования стали поэтические произведения А. С. Пушкина о становлении личности поэта – «Пророк», «Поэт» и др. Методами исследования явились как общенаучные – наблюдение, описание, анализ, синтез, так и специальные методы исследования – дискурсивный анализ текста, а также процедуры интерпретации, включающие в себя выводное знание.

Результаты

Нас интересует становление духовной составляющей творчества А. С. Пушкина. За последние десятилетия слово *духовный* меняло свое значение от антонимичности *телесному* и отождествлению его с *интеллектуальным* до *духовный* = *религиозный*, т. е. связанный со святым Духом, Богом, Высшим разумом, Вселенной, Мировым разумом и др. Без учета духовности как религиозно-нравственного понятия нам не понять великой тайны русского человека и его предназначения в мире. Духовный аспект языка – это не только его религиозный аспект, это способ осмысления народом своего места в мире. Духовность сакрализует и передает поколениям основополагающие нравственные ценности и этические идеалы, которые неспроста становятся религиозными заповедями: *не укради, не убий* и т. д. Поэтому всю русскую культуру нужно рассматривать и как духовную сущность.

Посмотрим с этих позиций на творчество А. С. Пушкина. Духовность Пушкина, его религиозные взгляды – объект интереса пушкинистов и в прошлом веке, и в последние десятилетия нынешнего, здесь есть немало интересных наблюдений о рецепции духовных представлений Пушкина в собственном творчестве¹. Хотя в его творчестве, особенно позднем, есть слова, уводящие его от Божественной Истины, но в целом он дает нам в своих стихах образ Чуда – благодатного Духа Святого. «Ты сам свой вышний суд», – писал А. С. Пушкин

¹ Укажем, например, работы С. Л. Франка [12], статью В. Лепахина «"Отцы пустынноики и жены непорочны..." (опыт подстрочного комментария)» // А. С. Пушкин. Путь к православию. М. Отчий дом, 1995. Электронный ресурс. URL: <http://www.u Brus.org/data/library/pages/662/Main.htm> (дата обращения: 01.03.2025).

в стихотворении «Поэту». Но мы знаем, что в основе мира Бог-Создатель; он есть высший суд, ибо стремится улучшить сотворенный мир. Пушкин считал христианство «величайшим духовным и политическим переворотом нашей планеты», в «священной стихии которого обновился мир» [8, VII, с. 100].

Есть целое стихотворение А. С. Пушкина, свидетельствующее о его духовном кризисе, невозможности ощутить жизнь во всей полноте Дара Божьего:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучной жизни шум
(Дар напрасный, дар случайный..., 1828) [8, III, с. 59].

Жизнь в этом стихотворении напрасный дар, здесь уже мы видим хулу на Бога, который не ошибается; поэт не дает ответа на поставленные им же вопросы (*Кто меня враждебной властью... / Ум сомненьем взволновал?..*). Хотя ответы очевидны: Господь. Бесцельной кажется поэту его жизнь, он предается тоске, унынию, что является смертным грехом. Спустя год А. С. Пушкину, поэту и христианину, отвечает святитель Филарет:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена:

Сам я своенравной властью
 Зло из темных бездн воззвал,
 Сам наполнил душу страстью,
 Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною,
 Просияй сквозь сумрак дум —
 И созиждется Тобою
 Сердце чисто, светел ум [4].

Святитель Филарет дает ответы на все пушкинские вопросы: «Сам я своенравной властью / Зло из темных бездн воззвал...» Поэт виноват в том, что не понял и не почувствовал Промысла Божьего («Не без воли Бога тайной...»), его жизнь «на казнь осуждена». Призвав Господа на помощь, поэт должен знать, что «созиждется Тобою / Сердце чисто, светел ум». Здесь диалог двух людей выходит за рамки простой формы коммуникации и выходит в религиозное пространство, в центре которого Бог. Это непрерывный диалог с миром, живое нравственное общение двух личностей, взаимодействие их сознаний. А главный судия в этом диалоге – Господь.

В русской лингвокультуре и языковом сознании Бог – это непознаваемая человеческим разумом сущность, но Он очень справедлив и добр, т. к. любит нас и направляет наше поведение. Русский язык гласит: от Божьего суда не уйдешь; за добро Бог плательщик; Бойся Вышнего – не говори лишнего; не бойся никого, кроме Бога одного; все мы под Богом ходим; перед Богом все равны; тот не унывает, кто на Бога полагает. Обратим внимание на последнюю поговорку: она ставит точку в диалоге двух великих личностей – Пушкина и святителя Филарета.

Чрезвычайно интересно в этом плане стихотворение А. С. Пушкина «Пророк», в котором многое в его жизни переосмыслено в духовном плане: в нем мы слышим зов к духовному. Думается, что это вершина духовной лирики поэта. Это стихотворение, нам представляется, ошибочно толковалось литературоведами как гимн идеальному Поэту, а сам поэт – всевидящий, и потому у него не должно быть «лукавого», «празднословного» языка. Голос его должен быть

правдив и мудр. С этим трудно не согласиться, но не это главное в творчестве большого национального поэта: он должен вести человека к Свету, говоря словами современной поэтессы М. Скребцовой: *Скорее сутью душу напои, / Но пусть она не знает насыщенья, / Пусть вечный поиск в ней заговорит / Твоим неумолкающим прощеньем.* («Молитва души»)¹.

Суммируя существующие на сегодняшний день исследования, можно сформулировать следующие трактовки стихотворения: 1) о поэзии и о призвании поэта; 2) стихотворение о пророке Мухаммеде из Корана – на том основании, что стихотворение начинается с упоминания пустыни (*В пустыне мрачной я влачился*); эту версию, ввиду ее явной ошибочности, не будем обсуждать; 3) это стихотворение о библейском пророке.

Первая трактовка широко распространена, особенно в образовательном пространстве. В ней утверждается, что на Поэте лежит печать свыше, но он земной человек, со всеми присущими ему слабостями. Он не должен от кого-либо зависеть, не должен ни перед кем «клонить гордой головы». Такое понимание стихотворения основано на неумении увидеть разницу в понятиях пророк и художественный гений. «Восстань, пророк!» – призывал поэт, считая, что главное для него – горячее сердце, любовь к людям. Но все не так просто. Не о гении и не о высшем даре, особом таланте, идет речь, и даже не о Поэте-вестнике. Здесь раскрывается роль Провидения в становлении поэта.

Мы считаем, что в стихотворении идет речь о Высшем существе, которое не просто пророчествует, а управляет миром и руководит поведением поэта: *И он мне грудь рассек мечом, / И сердце трепетное вынул, / И уголь, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул.* Поэтому он может заставить поэта подчиниться своей воле: *Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моей.* В этих строчках сам Господь общается с Поэтом через шестикрылого серафима, ведь только Господь может приказать: *Глаголом жги сердца людей.* Этим прямым призывом к поэту заканчивается все стихотворение.

Весь земной мир с его мелкими страстями является для поэта *пустыней мрачной и пустой*, а сердце поэта жаждет духовного наполнения: его душа тянется к утолению духов-

¹ Скребцова М. В. Освобожденная мудрость. М.: Прометей, 1992. С. 163.

ной жажды. Как известно из Библии, алчущие и жаждущие насытятся... И вот появился серафим: Он сердце трепетное вынул, / И уголь, пылающий огнем, / Во грудь отверстую вогнул. Следовательно, по воле Господа появляется огненное сердце. А огонь, как известно, согревает и разрушает, созидает и убивает. Вот такие возможности дает Господь.

Известно, что А. С. Пушкин подражает такой священной части Библии, как «Песнь Песней». Но здесь мы видим также сильное влияние пророческих разделов Библии. Так, сам величавый тон стихотворения, его ритмы похожи на библейские. Наличие простых по структуре предложений при абсолютном господстве союза «и» (в этом отрывке в трех предложениях он повторяется три раза), который здесь выполняет еще и дополнительную функцию усилительной частицы, приближает пушкинский язык к библейскому¹. Поэтом нарисован образ поэта-пророка, чье зрение и слух не просто обостряются, а проникают в глубь мира (он обретает внутреннее зрение: Отверзлись вещие зеницы, / Как у испуганной орлицы. / Моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон), а, возможно, и в планы Провидения, в результате чего на наших глазах проявляются высшие способности духовного восприятия, особого духовного зрения: И внял я неба содроганье, / И горный ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье. Полученное им откровение охватывает весь мир – от ангелов до морских гадов. У пророка-поэта доброе, но слабое, земное, сердце, оно отзывчиво на чужую беду, поэтому поэт называет его *трепетным*: он способен делать добро, но победить большое зло собственными силами не может, для этого нужна помощь Божья, его огонь. Такой подход не результат умственной деятельности А. С. Пушкина, а то, что дано ему свыше как идеал. Умудренный внутренним опытом и особым духовным зрением – прозорливостью, он будет отныне действовать именем и силою Божьей. Границы пространства и времени как бы раздвигаются, поэтому он видит духовным взором будущие события, видит всю глубину души человека.

Таким должен быть поэт, по мнению Пушкина. Но он становится таким только после воздействия на него высших сил,

¹ Учитывая высказывание В. С. Баевского о том, что «поэтическая лексикография исходит из представления о слове как о важнейшем носителе смысла» [Баевский, с. 65], можно судить о духовных представлениях поэта и по лексике анализируемых произведений. См. об этом также работу Р. М. Фрумкиной [13].

Бога. Именно Господь послал для этого ангела, серафима, который коснулся очей и ушей поэта. Только тогда ему открывается духовная жизнь Вселенной: И внял я неба содроганье... Таким должен быть настоящий поэт, чтобы он мог достойно выполнять свое предназначение: глаголом жечь сердца людей.

В этом стихотворении, кроме того, дан один идеально законченный образ духовной красоты, во всей целостности, которая достигается путем мучительного духовного преобразования Поэта из трупа, лежащего в пустыне, в пророка, которым ощутил себя поэт. Теперь поэт по-иному видит мир – от ангела до гада, от вселенной до дольней лозы, мелкого растения. Следовательно, перед духовными очами поэта, открытыми для него высшими силами, предстает пророк по форме и поэт по существу, то есть носитель той идеальной поэзии, творцом которой был сам А. С. Пушкину.

Обсуждение и выводы

В статье дается филологический анализ стихотворения «Пророк» как одного из важнейших произведений для понимания духовного становления поэта. Рассматриваются наиболее известные его трактовки – от темы о поэте и его призвании до темы библейского пророка. Выдвигается авторская версия о значении Божьей воли и роли Провидения в становлении поэта.

Таким образом, в стихотворении А. С. Пушкина поднимается одна из важнейших проблем творчества – его Богодуховенность: только наличие Бога в душе делает произведения поэта нужными миру. У Крылова есть басня «Писатель и разбойник». Мучения Писателя в ином мире гораздо более сильные, чем разбойника. А объясняется это тем, что разбойник убил нескольких человек, а писатель, растлевающий за ним поколение, продолжает убивать души и после своей смерти. А. П. Чехов, который сам был атеистом, жаловался, что «нет Бога в сердцах современных ему писателей», а потому и пишут они очень хорошо по форме и очень ненужно по существу. И что был же этот Бог, было что-то, что старые писатели ставили выше всего на свете и выше себя самих, и во имя чего они пророчествовали, – был и придавал пророчествам их величавость и силу.

Как видим, при анализе классических текстов художественной литературы необходим интегративный подход к объединению богословских знаний, языка и культуры, что расширяет пределы видения текста. Об этом писал академик Ю. С. Степанов, который в последние годы своей жизни искал новые границы гуманитарного познания и видел именно такой путь – синтеза, при котором открываются новые знания, названные им «Воображаемой словесностью» [11]. В качестве рекомендации по дальнейшему осмыслению темы предлагаем шире вводить интегративный, или синергетический, подход к поэзии Пушкина, при котором будут использоваться знания по культурологии, филологии, истории, антропологии, теолингвистике, лингвокультурологии и др. Всякий великий поэт и художник – носитель энциклопедических знаний. Таким, к примеру, был Леонардо (представитель Возрождения) – его живопись вобрала в себя знание анатомии, геометрии, математики, метеорологии, оптики цвета и т. д. Таков и А. С. Пушкин – знаток не только литературы, но и основоположник русского литературного языка, историк, фольклорист, культуролог. Подходить к его творчеству только с позиций литературоведения недопустимо.

Список литературы

1. Андреев Д. Роза Мира. – М.: Эксмо, 2014. – 799 с.
2. Ахматова А. Лирика. – М.: БуКос, 2004. – 271 с.
3. Баевский В. С. Справочные труды по поэзии Пушкина и его современников // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР; ОЛЯ. – СПб.: Наука, 1991. – Вып. 24. – С. 65–79.
4. [Б. и.] Не напрасно, не случайно... // Звёздочка. Журнал для детей старшего возраста. – 1848. – Ч. XXVIII. – С. 16.
5. Доманский В. А. Пушкинский текст русской классики // Русская литература в иностранной аудитории: материалы XVI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Т. Г. Аркадьевой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2025. – Вып. 13. – С. 8–19.
6. Кузьмина Н. А. Пушкинский текст в современной поэзии // Вестник Омского университета. – 1999. – № 2. – С. 106–117.
7. Непомнящий В. С. Удерживающий теперь: Пушкин в судьбе России. – М., 2022. – 652 с.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – изд. 4-е. – Л.: Наука, 1977.
9. Ревзина О. Г. Язык и время в пушкинском поэтическом контексте // Пушкин и поэтический язык XX века. – М., 1999. – 347 с.
10. Скотов Н. Н. «Начало всех начал...» // Вопросы литературы. – 1986. – № 6. – С. 113–130.
11. Степанов Ю. С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». – Калуга: Эйдос, 2010. – 168 с.
12. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. – Paris: Ymkа-Press, 1987. – 118 с.
13. Фрумкина Р. М. Статистическая структура лексики Пушкина // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 78–81.

Valentina Maslova

Higher Reality in the Works of A. S. Pushkin: A Call to the Spiritual

The article reveals the highest reality in the poetry of A. S. Pushkin. Being a poet-prophet, he becomes a conductor of divine truth. This is, for example, in his poems *The Prophet*, *The Poet and the Crowd*, etc. It is proved that when analyzing classical texts in general and especially Pushkin's poetry, one should not forget about the poet's spiritual path, under the influence of which the Russian language, Russian literature and Russian culture not only reflect, but also build spiritual reality. The cultural consciousness of a linguistic personality enters into a dialogue with Pushkin's texts and is constantly nourished by them. This is the basis of the humanitarian national culture. The purpose of the article is to demonstrate the possibilities of combining philological knowledge, theological knowledge and linguistic knowledge. This significantly expands the scope of vision of the text. The article provides a philological analysis of the poem *The Prophet* as one of the most important for understanding the spiritual development of the poet. The most famous interpretations of the poem are considered – from the theme of the poet and his calling to the theme of the biblical prophet. The author's version of the meaning of God's will and the role of Providence in the development of the poet is put forward, which is shown in the material of *The Prophet*.

Key words: Pushkin, poetry, *The Prophet*, spirituality, higher reality, synthesis of theological knowledge and philology.

For citation: Maslova, V. A. (2025) Vysshaya real'nost' v tvorchestve A. S. Pushkina: zov k duhovnomu [Higher Reality in the Works of A. S. Pushkin: A Call to the Spiritual]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 128–138. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_2_128. EDN: NKQZMQ

References

1. Andreev, D. (2014) *Roza Mira* [Rose of the World]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
2. Ahmatova, A. (2004) *Lirika* [Lyrics]. Moscow: BuKos Publ. (In Russian).
3. Baevskij, V. S. (1991) Spravochnye trudy po poezii Pushkina i ego sovremennikov [Reference works on the poetry of Pushkin and his contemporaries] *Vremennik Pushkinskoj komissii AN SSSR* [Provisional Book of the Pushkin Commission. USSR Academy of Sciences]. St. Petersburg: Nauka Publ. Issue 24. Pp. 65–79. (In Russian).
4. [B. i.] (1848) Ne naprasno, ne sluchajno... [Not in vain, not by chance ...]. *Zvyozdochka. Zhurnal dlya detej starshego vozrasta* [Zvezdochka. Magazine for older children]. Part XX-VIII. P. 16. (In Russian).
5. Domanskij, V. A. (2025) Pushkinskij tekst russkoj klassiki [Pushkin's text of Russian classics] *Russkaya literatura v inostrannoj auditorii: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russian literature in a foreign audience: materials of the XVI International scientific and practical conference]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena. Issue 13. Pp. 8–19. (In Russian).
6. Kuz'mina, N. A. (1999) Pushkinskij tekst v sovremennoj poezii [Pushkin's Text in Modern Poetry]. *Vestnik Omskogo universiteta – Bulletin of Omsk University*. No. 2. Pp. 106–117. (In Russian).
7. Nepomnyashchij, V. S. (2022) *Uderzhivayushchij tep'er': Pushkin v sud'be Rossii* [Hold-ing Back Now: Pushkin in the Fate of Russia]. Moscow. (In Russian).
8. Pushkin, A. S. (1977) *Polnoe sobranie sochinenij v desyati tomah* [Complete Works in 10 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
9. Revzina, O. G. (1999) YAzyk i vremya v pushkinskom poeticheskom kontekste [Language and Time in Pushkin's Poetic Context]. *Pushkin i poeticheskij yazyk XIX veka* [Pushkin and the Poetic Language of the Twentieth Century]. Moscow. (In Russian).

10. Skatov, N. N. (1986) «Nachalo vseh nachal...» [«The Beginning of All Beginnings...»]. *Voprosy literatury – Questions of Literature*. No. 6. Pp. 113–130. (In Russian).
11. Stepanov, YU. S. (2010) *Myslyashchij trostnik. Kniga o «Voobrazhaemoj slovesnosti»* [The Thinking Reed. A Book about “Imaginary Literature”]. Kaluga: Ejdos Publ. (In Russian).
12. Frank, S. L. (1987) *Etyudy o Pushkine* [Studies on Pushkin]. Paris: Ymka-Press. (In Russian).
13. Frumkina, R. M. (1960) Statisticheskaya struktura leksiki Pushkina [The Statistical Structure of Pushkin’s Lexicon]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of Linguistics*. No. 3. Pp. 78–81. (In Russian).

Об авторе

Маслова Валентина Авраамовна, профессор, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, доктор филологических наук, профессор (Витебск, Республика Беларусь); e-mail: mvavit@tut.by; ORCID ID: 0000-0001-8717-9231

About the Author

Valentina Maslova, Professor, Vitebsk State University n.a. P. M. Masherov, Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Republic of Belarus); e-mail: mvavit@tut.by; ORCID ID: 0000-0001-8717-9231

дата получения: 15.04.2025 г.
дата принятия: 30.05.2025 г.
дата публикации: 30.06.2025 г.

date of receiving: 15 April 2025
date of acceptance: 30 May 2025
date of publication: 30 June 2025